

Пермский край
2025 – 2026 учебный год
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
11 КЛАСС

Уважаемые участники олимпиады!

Вам предлагается выполнить два типа заданий: аналитическое и тестовое. Аналитическое задание предполагает анализ прозаического или стихотворного текста на выбор ученика. Цель аналитического задания заключается в умении создать самостоятельный законченный текст на материале предложенных произведений. Обратите внимание на критерии оценивания. Цель тестового задания – проверка школьных программных знаний по литературе.

Время выполнения аналитического задания – 4,5 астрономических часа (270 минут), максимальный балл – 70. Время выполнения тестового задания – 0,5 астрономических часа (30 минут), максимальный балл – 30. Время выполнения работы – 5 астрономических часов (300 минут). Максимальный общий балл за работу – 100.

Аналитическое задание

Проведите анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного) — на выбор!

Комплексный анализ стихотворного текста

И. Бродский

И вечный бой...

И вечный бой.
Покой нам только снится.
И пусть ничто
не потревожит сны.
Седая ночь,
и дремлющие птицы
качаются от синей тишины.
И вечный бой.
Атаки на рассвете.
И пули,

разучившиеся петь,
кричали нам,
что есть еще Бессмертье...
... А мы хотели просто уцелеть.
Простите нас.
Мы до конца кипели,
и мир воспринимали,
как бруствер.
Сердца рвались,
метались и храпели,
как лошади,
попав под артобстрел.
...Скажите... там...
чтоб больше не будили.
Пушай ничто
не потревожит сны.
...Что из того,
что мы не победили,
что из того,
что не вернулись мы?..

1965

Целостный анализ прозаического текста

Е. Замятин

Встреча

Человек с колючим бобриком, в мундире жандармского полковника, по-военному отчеканил свои показания и сел. Он производил у подсудимого обыск, его показания были бесспорны, точны, убийственны. Но подсудимый даже не посмотрел на него. Он не дыша, боясь шевельнуться, прислушивался к мерному топоту солдатских ног: сейчас в зал должен был войти тюремный конвой — и с ним последняя надежда на спасение для подсудимого. Подсудимый знал, что конвоем командует Попов, тоже революционер, как и он сам, и что Попов попытается в удобный момент передать ему револьвер.

Но Попов дошел только до эстрады, на которой сидели судьи: тут, вместо того чтобы подойти с конвоем к подсудимому, он растерянно остановился и, не мигая, вытянув шею, глядел в глубь зала. Шея у него была неожиданно тонкая для его широких плеч — как будто по ошибке взятая от чужого человеческого комплекта. Он стоял и удивленно, забыв обо всем, смотрел на жандармского полковника.

Кроме полковника, никто этого не заметил, никому не понятна была причина происшедшего замешательства. Впрочем, ничего не понял и полковник: он только почувствовал, как немигающий взгляд конвойного офицера с журавлиной шеей споткнулся на нем.

Раньше времени зазвенел звонок: перерыв. Продолжение заседания суда было отложено. Судьи, сверкая генеральскими эполетами, встали, задвигались. Все торопились в буфет, чтобы успеть там наспех проглотить чаю или кофе. Последними вышли из зала огромный краснолицый извозчик и лысый нищий, тоже вызванные в качестве свидетелей по делу.

В буфете после ярко освещенного зала показалось темно — тусклые, пыльные лампы были вдобавок завешены табачным туманом. Было открыто окно, всякий раз распахивалась дверь от сквозняка, подвешенные к потолку лампы слегка покачивались — и все внизу под ними тоже слегка покачивалось, все было непрочное, как во сне. И в самом деле — особенно после суровой реальности того, что происходило в зале, все здесь было похоже на сон или бред.

Мелькали в дыму солдаты, цыгане, мужики, офицеры. Священник, приводивший на суде свидетелей к присяге, обнимая цыганку, напевал шансонетку. К столику, за которым о чем-то спорили извозчик и нищий, дружески подсел жандармский полковник. «Из-за чего изволите горячиться, ваше превосходительство?» — спросил он нищего. Здесь, во сне, никто не удивлялся, что нищий принял титул превосходительства как должное, но даже и здесь полковнику показалось нелепым, когда нищий сердито показал на извозчика: «Из-за того, что прапорщик Симков позволил себе сесть за мой столик, не спросив разрешения у меня, как полагается по уставу. Он забывает о моем чине!» Прапорщик-извозчик, добродушно колыхаясь животом, захохотал: "Все мы тут, дорогой мой, в одном чине: фи-гу-ранты! И всем нам одна цена: сто франков в день. Исключение — полковник: во-первых, получает сто двадцать, во-вторых — играет самого себя. Это называется «повезло»!

И действительно, повезло: в этом фильме из русской жизни бывшему жандармскому полковнику дали роль жандармского полковника. Режиссер говорил, что он играет превосходно, а он совсем не играл: он просто стал прежним самим собой. Стал настолько, до таких мелочей, что вот сейчас, закулив папиросу, помахал спичкой совершенно прежним ленивым жестом — и, как бывало тогда, бросил спичку еще горячей.

Сверху, из табачного тумана, спустилась рука и взяла из пепельницы еще горевшую спичку. Полковник взглянул вверх — и встретился с глазами длинношеего конвойного офицера Попова. Нагнувшись, Попов пристально смотрел полковнику прямо в лицо. Догоревшая спичка обожгла ему пальцы, он бросил ее, не закулив, — и молча исчез в фантастической толпе цыган, солдат, мужиков.

«Что это значит?» — сказал полковник. «Что — что значит?» — удивленно переспросил извозчик. Полковник попробовал объяснить, но не мог, потому что ничего, в сущности, не произошло. Вернее, произошло только одно: полковнику показалось, что этого длинношеего офицера он уже встречал когда-то. Но когда? Где? В Крыму? В Константинополе? Он никак не мог вспомнить, и это не давало ему покоя, как застрявшая где-то в зубах незаметная рыбья косточка, которую непременно нужно вынуть.

Прапорщик-извозчик, вкусно подхохатывая, рассказывал что-то про цыганку, про какую-то подвязку, но слова не доходили до полковника: мешала рыбья косточка. А может быть, и не в ней было дело: просто хотелось пить, а кофе еще до сих пор им не принесли. Гарсон опять пролетел в тумане мимо их столика. Полковник обернулся, чтобы поймать его, — и сзади себя, совсем близко, снова увидел Попова: перед самым носом священника он встряхивал на ладони два револьвера. «За каким чертом ты таскаешь с собой настоящий револьвер, раз тебе здесь дают бутафорский?» — спросил священник. «Об-обожаю револьверы... с детских лет...» — сказал Попов, слегка заикаясь.

Как только полковник услышал этот захлебывающийся, заикающийся голос, в голове у него, как в театре, мгновенно раздернулся какой-то занавес — и он все вспомнил, даже увидел с какой-то испугавшей его самой ясностью.

Этот человек, тогда — в студенческой форме, сидел спиной к нему, нагнувшись над железным столиком тюремной камеры. Полковник смотрел на него сквозь стеклянный глазок двери. Студент увлекся и не замечал ничего: перед ним на столике были сделанные из хлеба шахматы, он играл сам с собою. Полковник вошел в камеру, схватил разграфленный листок бумаги вместе с шахматами, скомкал и сунул к себе в карман. Он был сам шахматист и знал, что это будет самым чувствительным наказанием для заключенного, а этот упрямец заслуживает наказания. Студент взглянул на полковника и ничего не сказал, только сделал плотательное движение, на тонкой шее поднялся вверх и опустил кадык. Полковник, не отрывая глаз от его шеи, сказал очень ласково: «Вы получите свидание с вашей невестой. Я объяснил ей, что если вы будете молчать, то вам грозит петля, и она обещала убедить вас быть откровенней».

Свиданий с невестой у студента было не одно, а несколько. Это тянулось целый месяц. Полковник слышал, как девушка плакала, умоляла, целовала. В конце концов студент заговорил откровенно. Когда полковник подписал приказ о его освобождении, студент секунду, не мигая, смотрел на него ненавидящими глазами, потом, заикаясь, сказал: «Ллучше бы вы меня повесили! И з-наете, если мы к-когда-нибудь встретимся...» Он запнулся и так, не кончив фразы, ушел.

И вот — теперь, здесь — они встретились. Кругом них в бредовом тумане мелькали ненастоящие цыгане, офицеры, мужики, нищие. Прежние свои роли играли только они двое: полковник — себя, Попов — революционера, хотя он и был теперь в офицерской форме. И в буфете уже звенел звонок, призывая их продолжать игру — и, может быть, теперь закончить ее.

Прапорщик-извозчик и превосходительный нищий ушли еще до звонка. Полковник шел в студию один. Из головы у него не выходил этот студент. Полковник вспомнил, что его невесту звали Мусей и что однажды он увидел, как она, покраснев, старалась спрятать палец, высунувшийся из прорванной перчатки, но лицо ее он совершенно забыл. «Какая странная вещь — память: забыть человеческое лицо — и запомнить прорванную перчатку...» — подумал полковник.

Он открыл дверь — и увидел себя на полутемном дворе, заваленном какими-то огромными пустыми ящиками. Он понял, что забыл вовремя свернуть направо, и никак не мог сообразить сейчас, куда идти. Ощупью он нашел наконец дверь, через которую попал сюда, дернул ее — остановился: перед ним стоял «Попов». Вытянув длинную шею, усмехаясь, он сказал: «За-за-заблудились?» И продолжал стоять, глядя на полковника и держа руки в карманах.

«Сейчас он вынет из кармана револьвер...» — волосы на голове у полковника стали колючими. Он рассердился на себя и решительно шагнул на Попова: «Позвольте пройти!» Попов, не вынимая рук из кармана, посторонился. Полковник шел и слышал сзади себя шаги, все ближе. Он изо всех сил старался идти не спеша — и чувствовал, что идет все быстрее.

В студию он вбежал, запыхавшись. Его уже ждали. Режиссер громко, при всех, сделал ему замечание, но полковник подумал только об одном: наверное, он — этот Попов — тоже слышит это...

Полковник оглянулся: Попов сидел направо, немного сзади, так что полковнику нужно было только чуть повернуться, чтобы увидеть эти немигающие, неотступные глаза. Потом, уже не поворачиваясь, он как-то затылком, шеей, правым ухом (оно горело) чувствовал на себе этот взгляд — и это связывало его, опутывало как паутина.

Режиссер крикнул: «Allons!», лампы зашипели. Полковник встал, чтобы снова повторить свои десять убийственных для подсудимого слов. Он хотел, как делал тот, прежний полковник, вытянуть руку, показывая на подсудимого, но искоса, углом глаза, увидел: держа руки в карманах, Попов тоже встал. Полковник сделал рукой какое-то совершенно нелепое, деревянное движение и замолчал среди фразы: все слова вдруг вылетели из головы: «Да вы что — хватили лишнее или больны? — закричал на него режиссер. — Уходите вон! Проветритесь — тогда придете...»

Кто-то засмеялся. Согнувшись, стараясь быть поменьше, понезаметней — полковник вышел из студии. Впрочем, он уже не был полковником, как все эти дни: он снова стал тем человеком, который недавно мыл окна и получал на чай. Он шел по длинному, белому, пустому коридору и, стиснув кулаки, мысленно говорил режиссеру все то, что он вслух сказал бы, если бы мог.

В буфете было безлюдно, из экономии горела теперь только одна лампа. Полковник сел за столик, заказал кофе, потом остановил буфетчика: «Нет, лучше дайте коньяку!» Буфетчик что-то переспросил. «Ах, да все равно что — только поскорей!» — с досадой махнул полковник рукой: он, кипя, продолжал объясняться с режиссером, а тут этот буфетчик...

И вдруг он забыл сразу и режиссера, и обиду, и буфетчика, и все: к его столику от дверей шел Попов, покачивая головой на тонкой шее. Он остановился перед полковником и, как будто еще не решаясь, нащупывал что-то в кармане рукой. Полковник уже знал, что такое это «что-то». Сердце у него заколотилось, но его руки и ноги были спутаны какой-то паутиной, он не мог ни встать, ни крикнуть.

Буфетчик принес кофе и коньяк, поставил на столик и ушел в кухню. Бывший полковник и бывший студент остались вдвоем. Полковник слышал, как, жужжа о потолок, шлепалась большая муха.

— А ведь я вас сразу узн-узнал... — сказал «Попов», снова пошевелив рукою в кармане.

Полковник хотел сказать: «Что вам от меня нужно?» — но понял, что это выйдет нелепо, смешно: он ведь знал, зачем нашел его здесь этот человек. Он ждал, не двигаясь, только сердце у него заколотилось еще сильнее.

— Помните, как вы в к-к-камере взяли у меня шахматы? — и сказали, что вы т-т-тоже шахматист? Я все п-п-помню! — продолжал «Попов», хитро щурясь и понемногу, медленно вынимая руку из кармана.

Полковник видел теперь только эту руку, она заполняла собою весь мир. Он увидел, как вышла кисть, увидел черные часы на ремешке с наискось треснувшим стеклом. Оставалась еще секунда. Полковник втянул голову в плечи, как черепаха, и закрыл глаза.

Прошла секунда, две — выстрела не было. «Целится...» — мелькнуло в голове, и, не выдержав, полковник открыл глаза.

«Попов» стоял перед ним, вытянув руку. В руке у него была карманная шахматная доска.

— Сыграем? — сказал он и, не дожидаясь ответа, сел напротив полковника.

1935

Критерии оценивания

Оценка за работу выставляется в виде последовательности цифр — оценок по каждому критерию. Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений». Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 — 10 — 20 — 30.

2. Композиционная стройность работы и ее стилистическая однородность. Уместность цитат и отсылок к тексту. Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 — 5 — 10 — 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 — 3 — 7 — 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 — 3 — 7 — 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 — 2 — 3 — 5.

Тестовое задание

I. Определите, даты жизни каких писателей представлены ниже.

1. 1860 – 1904;
2. 1828 – 1910;
3. 1821 – 1881;
4. 1868 – 1936;
5. 1880 – 1921.

За каждый правильный ответ – 3 балла.

II. Перед вами строфы из произведений поэтов XIX века. Три из них принадлежат одному автору. Найдите «лишний» текст. Определите авторство каждого из предложенных отрывков.

1. Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя*.

2. Река раскинулась, течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

3. Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

4. Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье
Утонченность мечты разлюбив.

Максимальное количество баллов – 5.

Если правильно определено авторство всех предложенных текстов – 5 баллов.

За правильно названный «лишний» текст (без определения авторства) – 1 балл.

III. Героями каких произведений являются:

1. Зосимов
2. Симеонов-Пищик
3. Несвицкий
4. Медведев
5. Лоренцо

За каждый правильный ответ – 1 балл.

IV. Определите стихотворные размеры (без указания количества стоп) следующих поэтических строк.

1. За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты,- и каждый встречал
Другого надменной улыбкой. (А. Блок)
2. По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух. (А. Блок)
3. Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер. (А. Фет)
4. Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе. (С. Есенин)
5. Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя. (М. Лермонтов)